не меньше и осталось. Дело даже не в разрушениях. Кстати сказать, американцы еще в сорок третьем году рекомендовали построить город на совершенно новом месте, доказывая невозможность восстановления его на старом. Этот абсурдный план, разумеется, был отвергнут—великий город должен быть и будет восстановлен именно там, где его защищал под руководством товарища Сталина наш народ в 1918 и 1942 годах.

Сложность восстановления в другом. Довоенный Сталинград получил в наследство от дореволюционного Царицына типично капиталистическую, хаотическую систему застройки. Промышленники, ни с чем не считаясь, захватывали лучшие участки на берегу Волги для своих предприятий, которые позднее, обстроившись рабочими поселками, превратили Царицын в «город-линию», растянувшийся на десятки километров вдоль реки. В результате — до сегодняшнего дня город не имеет доступа к Волге, он отрезан от нее железной дорогой, пристанями, складами.

Большую сложность представляет транспортная проблема. Железная дорога проходит через самый город, разделяя его на две части, пересекая улицы, отнимая у города широкую полосу земли. Коренной перестройки требует и внутригородской транспорт. Отсутствие правильно организованных продольных магистралей, при ярко выраженной линейности самого города, создавало много препятствий. Не было у города и настоящей главной улицы — все из-за той же бессистемности дореволюционной застройки.

Чтобы все это устранить, архитекторам пришлось поломать голову. В общих чертах, по генеральному плану, большинство фабрик и заводов из центральной части города будет вынесено за его пределы и ограждено зеленой зоной. В районе Мамаева кургана будет разбит парк культуры и отдыха с большим стадионом. Железная дорога с берега снимется, и городу дается выход к Волге. Появятся набережные, эспланады, водно-спортивные станции. Транзитное грузовое железнодорожное сообщение будет вынесено за пределы города, на окружную железную дорогу. Внутригородская транспортная проблема будет решена устройством трех продольных магистралей, из которых одна — Проспект Сталина — протянется вдоль всего города, от Тракторного до самой южной окраины Сталинграда.

Архитектурно-композиционным центром будет место пересечения двух осей: продольной — Проспект Сталина и поперечной — Площадь Павших Борцов с Аллеей Героев, выходящей прямо к Волге, над гранитными набережными которой запроектирован Парк Победы.

Здесь предполагается соорудить далеко видный из-за Волги монумент героическим защитникам Сталинграда и Музей Обороны города. Другой архитектурный узел намечено создать на Площади Обороны, площади солдатской славы. Здесь проходила передовая Гвардейской дивизии Родимцева. Здесь находится знаменитый дом Павлова. Дважды знаменитый: своей героической обороной и тем, что он первый из всех, по инициативе А. Черкасовой, организатора черкасовского движения, был восстановлен. Торцовый фасад дома Павлова решается как мемориальный фасад, обрамленный барельефом. Перед ним, в полукруге, образуемом монументальной оградой, будет воздвигнут монумент: «Солдату Сталинграда от граждан города».

Несколько севернее, на вершине Мамаева кургана, в недалеком будущем вырастет еще один памятник — Панорама Сталинградской битвы. Хорошо видная со всех точек города, она завершит собой силуэт нового Сталинграда...

6.

Вот я и опять, невольно, вернулся к Мамаеву кургану. Вернулся и хочу немного на нем задержаться. Хочется сказать о том, чему, к сожалению, за массой других дел, не уделяют должного внимания в Сталинграде. Речь идет о памятных, исторических местах и самих защитниках Сталинграда.

Я вспоминаю довоенный Севастополь, вспоминаю, как бережно относился он к местам, связанным с героической обороной города. Исторический бульвар, Малахов курган. Попадая туда, вы невольно окунались в атмосферу таких далеких и в то же время близких и дорогих русскому сердцу событий Севастопольской обороны. Знаменитый пятый бастион был восстановлен почти в том же виде, в каком он встречал французов в 1856—1857 гг. Сделанные из цемента мешки, старинные пушки, пирамиды ядер, таблички, рассказывающие о героических эпизодах.

Почему не сделать подобного и в Сталинграде? Почему не восстановить наиболее памятные места Сталинградского сражения в том виде, в каком они были в 1942—1943 гг.?

На Мамаевом кургане, на каменном постаменте стоит танковая орудийная башня. Приходящие на курган экскурсанты читают надпись на мемориальной доске о том, что здесь происходили наиболее ожесточенные бои в Сталинграде, потом подходят к братской могиле и спрашивают: «А кто ж здесь воевал? Кто похоронен?» И не знают, что похоронены здесь бойцы и офицеры из Гвардейской дивизии Родимцева. «А как же проходила оборона? Где были фашисты, где наши?». Не знают. Окопы размыло дождями, развеяло ветром, через год-два и вовсе сравняет с землей. А ведь здесь воевали батальоны Беньяша, Никитеева, Котова и многих других, о которых никто экскурсантам не расскажет.

На восточных скатах кургана, в расположении нашей бывшей обороны, стоят два немецких танка. Откуда они взялись, никто не знает. И я не знаю, хотя провоевал на Мамаевом кургане добрых пять месяцев. Не знаю, потому что во время войны их не было и появились они значительно позже, когда, очевидно, сволокли старый, подбитый хлам на лом. А вот «танк смерти», из-за которого было столько пролито крови, исчез, только гусеницы валяются.

Мне говорили, что заповедными местами, то-есть местами, которые сохраняются в том виде, в каком они были во время войны, решено оставить КП генерала Людникова на «Баррикадах», лабораторию завода «Красный Октябрь» и старую мельницу около дома Павлова. Допустим, что мельница живописна, как руины, но ведь, кроме этого, она была почти на переднем крае обороны и с ней, без сомнения, связано много героических дел и имен. Мне их никто назвать не мог. Никто даже не знает, что именно на этой мельнице находилось.

У меня на руках маленькая, скромненькая книжечка издания 1945 года — «Исторические места и памятники обороны Царицына—Сталинграда». В ней, на странице 19, читаю: «4. Блиндажи командования (берег Волги). Сохранился блиндаж командующего армией генерал-лейтенанта Чуйкова».

Увы, в 1950-м, ничего этого уже нет. Я прошел весь берег Волги, от центра города до «Красного Октября», и не обнаружил ни одного блиндажа, ни одной землянки — время сделало свое дело...

Я стоял и думал обо всем этом у братской могилы на Мамаевом кургане. Думал о том, что лучшим памятником для людей, лежащих в этой священной земле, является, конечно, сам Сталинград, оживший и помолодевший. Но грустно было все-таки смотреть на пожелтевший венок, на временный деревянный обелиск с выцветшей подписью, воздвигнутый здесь еще в феврале сорок третьего года саперами сражавшихся дивизий.

У ног расстилался город, большой, шумный, растущий. Левее дымили трубы работающих заводов — «Красного Октября», «Баррикад». Десятки, сотни тысяч людей вернулись в свой Сталинград. Живут, работают, учатся и с благодарностью вспоминают о тех, кто с оружием в руках защитил их от врага и дал им возможность вернуться домой. И тем обиднее, что кто-то, от кого зависит увековечение памяти героев и исторических мест Сталинграда, относится к этому большому, серьезному делу прохладно и безразлично.

7.

Всего неделю пробыл я в Сталинграде — срок недостаточный, чтобы все увидеть и со всем ознакомиться, но вполне достаточный, чтоб понять, что это — город жизни, город будущего, славных традиций, связанных с именем вождя, именем, которое вот уже двадцать пять лет с честью носит город.

Я был на заводах, в учреждениях, встречался с рабочими, мастерами, архитекторами, журналистами, писателями. Разговаривал с ними, слушал их, и прежде всего бросалось в глаза, что всех их, людей разных профессий, специальностей, запросов, молодых и старых, воевавших и не воевавших, старожилов и недавно приехавших, — объединяет одна общая черта: настоящая, большая и очень трогательная любовь к Сталинграду.

О чем бы мы ни говорили, все равно в конце концов разговор сведется к Сталинграду. Каким он был, каков он есть и, главное, каким он будет.

Слушая рассказы сталинградцев, — будь то рассказ Алешкина, мастера мартеновского цеха «Красного Октября», о том, как он воспитывает молодых сталеваров, или Тамбовцева, начальника бюро технического контроля одного из цехов СТЗ, о том, как рабочие защищали свой завод в сорок втором году, или архитектора Масляева о проекте нового дома на проспекте Сталина, — я вижу, с каким чувством и любовью они об этом говорят.

И невольно хочется спросить тех, кто за океаном разжигает факел войны: как вы смеете говорить о том, что мы хотим войны? Посмотрите на Сталинград и сталинградцев, людей, умеющих воевать, и скажите, кто из них ее хочет, кому она нужна? Алешкину, Тамбовцеву, Масляеву — людям, по горло занятым своим мирным трудом,—или вам, обагрившим свои руки кровью невинных детей и матерей Кореи?

Сталинградцы ответили на этот вопрос. Их подписи стоят под Стокгольмским Воззванием.

8.

Самолет опять летит над Сталинградом. Только теперь город не слева, а справа, и смотрю я на него другими глазами. Для меня теперь он не только воспоминание— оживший военная карта со знакомыми местами боев. Для меня сейчас это город будущего. Ясно вижу, как сквозь оставшиеся еще руины и кварталы новостроек пробивает себе путь могучий проспект Сталина, как принимает утерянную форму площадь Павших борцов, как выросли и продолжают расти заводы и окружающие их поселки с красивыми, благоустроенными домами, широкими улицами, молодыми садами.

Мы отрываемся от города, сворачиваем к Дону. Видны еще трубы, затем только дым, сверкающая лента Волги. Город растаял в утренней дымке.

Прощай, Сталинград! Прощай, город будущего! До следующей встречи.

СТАЛИНГРАД